языка. Две басни из издания 1717 г. с незначительными вариантами перешли в лубочные картинки.[1]

Все три указанных перевода, далеко не совпадая по составу (260, 148 и 40 басен), примыкают к одному типу сборников басен, в изобилии наполнявших западные литературы: здесь басни сопровождаются краткими толкованиями, разъясняющими их смысл. Но уже в XVI—XVII вв. на Западе появляются сборники, отчасти по составу басен совпадающие с прежними, но переносящие центр внимания с басни на нравоучения, которые разрастаются временами до целых трактатов, очень слабо связанных с содержанием басни. Эта тенденция сохраняется и в XVIII в.

В русскую литературу перешли сборники и этого типа. В 1674 г. в Москве появился перевод с немецкого языка под заглавием «Зрелище жития человеческаго, в нем же изъявлены суть дивные беседы животных со истинными к тому приличными повестми в научение всякого чина и сана человеком». Здесь помещены 133 басни, с подлинными нравоучениями и ссылками на авторитет классических и средневековых писателей. Сходного типа — басни Локмана, переведенные у нас также в конце XVII в.

Сравнивая все перечисленные переводы Эзопа, мы замечаем, что в них есть какое-то основное ядро, — ряд сюжетов, повторяющихся во всех или почти во всех названных сборниках. Эти сюжеты, естественно, обращали на себя особое внимание и, выделяясь из общей массы басен, иногда начинали новую жизнь вне этих сборников. Через посредство лубочных картинок они доходят до народной сказки; на их почве создается «Повесть о куре и лисице», также известная до сих пор в устной традиции; не миновал басенных сюжетов и старинный театр: одна из самых популярных басен «О старике и смерти» переработана в интермедию в «Комедии на Рождество Христово» Дмитрия Ростовского.[2] Таким образом ряд фактов показывает, что уже с начала XVIII в. усвоение басенных сюжетов шло довольно интенсивно.

---

1 См. Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, стр. 275—227, т. IV, стр. 201—202.

2 Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—